

Хотя голову Лю Сяожуна удалось спасти, тридцать военных палок позволили ему на собственном опыте прочувствовать, что значит железная беспристрастность. Едва экзекуция перевалила за середину, он снова потерял сознание.

Неизвестно, сколько времени прошло, но сквозь туман в голове Лю Сяожун почувствовал, будто очутился в мире, где переплётлись лед и пламя. Особенно в некой части его тела: боль причудливо смешивалась с проникающим до мозга костей зудом, едва не заставляя его, подобно старому псу, скрючиться и задрожать.

— Ваше Высочество, вы наконец-то очнулись!

Едва веки Лю Сяожуна слегка дрогнули, в ушах тут же раздался голос Гуй Цзю.

— Старина Гуй, ты тоже умер или мы всё еще живы?

Лю Сяожун открыл глаза и посмотрел на Гуй Цзю. Возможно, из-за того, что ему пришлось слишком долго лежать ничком, а у Гуй Цзю катастрофически не хватало опыта ухода за мужчинами, Лю Сяожуну казалось, что его шея сейчас просто сломается.

— Мы оба живы!

Гуй Цзю хотел улыбнуться, но стоило мускулам на его лице немного растянуться, как он тут же испуганно сощурился, приняв крайне странное выражение. Жаль, что Лю Сяожун этого не видел.

— Тогда как мы вернулись? — Лю Сяожун слегка повернулся на бок.

— Они нашли нашу повозку, и очень «осторожно» затащили Ваше Высочество внутрь, после чего подчиненный доставил вас обратно, — ответил Гуй Цзю. Однако он умолчал о том, как возвращался в повозку он сам.

— О-о...

Лю Сяожун кивнул, чувствуя, что развитие событий в целом совпало с его ожиданиями. Раны заживали и нестерпимо чесались, поэтому он не удержался и протянул руку вниз, но едва коснулся больного места, как пронзительная боль заставила его покрыться холодным потом.

— Старина Гуй, на этот раз мы влипли по полной.

И правда, план Лю Сяожуна в этот раз можно было назвать безупречным (по крайней мере, он сам так считал), но в итоге мало того что все усилия пошли прахом, так их еще и жестоко отлупили. Дело было даже не в том, что его план не годился — просто и он, и Гуй Цзю

катастрофически недооценили Юэ Фэнью.

Сам Лю Сяожун ладно, но вот Гуй Цзю в этом вопросе имел куда больший вес. Он мог почти с уверенностью утверждать: если бы та внезапно появившаяся черная длинная пика не почувствовала отсутствие убийственного намерения, она давным-давно пробила бы его грудь.

Пока слуга и господин предавались тягостным воспоминаниям, явился старый слуга и доложил, что у ворот поместья обнаружили письмо. Кто его принес, он не видел.

Гуй Цзю взял конверт, тщательно его проверил и, убедившись, что всё в порядке, с молчаливого разрешения Лю Сяожуна вскрыл его.

— Ох...

В тот самый момент, когда Гуй Цзю развернул послание, он изумленно ахнул, так что глаза едва не вылезли из орбит. Его вид был таким, словно он узрел нечто совершенно невероятное:

— Ваше Высочество, взгляните-ка!

Не дожидаясь ответа, Гуй Цзю протянул письмо прямо перед глазами хозяина. Тот быстро пробежал по строкам взглядом — и сам замер как вкопанный. Прошло немало времени, прежде чем он ошеломленно уставился на Гуй Цзю:

— Старина Гуй, умоляю, скажи, что мне это не снится!

— Ваше Высочество, насчет этого дела... Не стоит ли нам радоваться раньше времени?

Гуй Цзю быстро взял себя в руки.

— Подчиненный имеет в виду: прежде чем убеждаться в надежности этих вестей, не следует ли нам подумать — с чего это вдруг Юэ Фэнью изменила свое решение и решила поддержать нас в искоренении бандитов? Бьешься лбом — набирайся ума! Ваше Высочество, мы не можем снова совершить ту же ошибку.

Слова звучали разумно. Конечно, случалось всякое: сначала тебя охаживают дубиной, а потом преподносят пряник. Но ведь речь шла о Юэ Фэнью!

Лю Сяожун немного подумал, горько усмехнулся и покачал головой:

— Старина Гуй, я думаю, вопрос вовсе не в том, повторим ли мы прежнюю ошибку. Дело в другом: даже если мы понимаем, что это ловушка, можем ли мы в нее не прыгать?

Услышав это, Гуй Цзю сразу умолк.

Всё обстоит именно так: чтобы подавлять бандитов, требуется не только праведный повод, но и строгое соответствие имперским законам. Иными словами, необходимо одобрение военных, иначе любые действия сочтут незаконным вооруженным формированием, за что по закону полагалась смертная казнь.

Они понятия не имели, какими соображениями руководствовалась Юэ Фэнъю, внезапно дав согласие, но можно было сказать наверняка: она прекрасно понимала нынешнее положение Лю Сяожуна.

Поэтому она ни капли не сомневалась, что даже после того, как она отвесила Лю Сяожуну тридцать ударов палками, он не сможет отказаться от брошенной ею приманки.

И как справедливо заметил Лю Сяожун, даже зная, что Юэ Фэнъю расставила ловушку, что он мог поделать? Если бы, отказавшись прыгать, можно было остаться в живых, он бы, конечно, не стал прыгать. Но проблема заключалась в том, есть ли у него вообще выбор? Даже не угоди в капкан Юэ Фэнъю, он вряд ли протянул бы долго.

Вчера Гуй Цзю говорил, что Юэ Фэнъю — не кронпринцесса, а раз так, значит, она не принадлежит к людям наследника. Для Лю Сяожуна этого было вполне достаточно.

Его взгляд упал на синюю личную печать в самом конце письма. Помолчав немного, Лю Сяожун бережно слогнул послание и спрятал за пазуху.

— Старина Гуй, сколько у нас еще осталось собачьих пластырей? — беспокоился Лю Сяожун собственными ранами.

— Хватит максимум на два раза, — ответил Гуй Цзю.

— Знаешь, где живет старшая мисс Шан?

— Знаю.

— Тогда пошли кого-нибудь попросить у нее еще. Эта дрянь действительно мне отлично подходит, — самокритично усмехнулся Лю Сяожун. — Как только залечу раны, снова сопроводишь меня в Сыцзи Хуасян.

— Это...

У Гуй Цзю ёкнуло сердце, лицо исказилось от нерешительности, но в конце концов он не смел отказать, лишь выдвинул свое условие:

— Ваше Высочество, навещать девиц, конечно, можно, но на этот раз, даже если вы пройдете во внутренние покои, этот подчиненный пойдет следом. А уж как быть — решайте сами.

Что это должно значить?

В голове Лю Сяожуна роилась тысяча вопросов.

Обзавешись достаточным количеством собачьих пластырей, Лю Сяожун пошел на поправку семимильными шагами — буквально с каждым днем ему становилось всё лучше. Спустя всего три дня этот горе-мужчина уже смог, прихрамывая, отправиться в публичный дом. Однако он никак не ожидал, что стоит ему переступить порог Сыцзи Хуасян, как до Шан Янь тут же донесут вести.

— Старшая мисс, старшая мисс, Жун-ван снова пошел в бордель!

Сяо И быстрыми шагами вбежала в комнату, и на ее лице застыло выражение полной уверенности: я же говорила.

— Этот негодяй! Разве у него душа не боится наемничать над бедными женщинами хоть день? Знала бы я раньше — не то что собачьего пластыря, я бы ему собачьего дерьма не дала!

Старшая мисс Шан в гневе не удержалась от грубого словца.

И дело было вовсе не в том, что ее так уж волновала личная жизнь Лю Сяожуна. Напротив, если бы не поручение отца, она бы и глазом не повела, даже если бы этот мерзавец сгнил прямо посреди улицы.

За последние несколько дней Шан Янь получила еще два тайных послания, и смысл слов отца был предельно ясен: прошлое покушение ни в коем случае не должно повториться, необходимо приложить все усилия для защиты личной безопасности Жун-вана. А уж как именно действовать — Шан Янь могла решать сама.

И ладно бы на этом всё! Если бы этот гад согласился спокойно сидеть в своем Ванском особняке, у Шан Янь нашлись бы способы его уберечь, но проблема заключалась в том, что он совершенно не умел сидеть сложа руки!

— Каждый день творит безобразия! Небесная кара настигнет его рано или поздно, и тут уж мне его не спасти, сколько бы сил я ни приложила!

С одной стороны — строжайшие отцовские приказы, с другой — неисправимый отброс общества. Шан Янь казалось, что эти двое доведут ее до сумасшествия.

— Госпожа, не сочтите за болтовню, но даже такой принципиальный и чистый человек, как батюшка, наверняка не смог бы терпеть Жун-вана. Быть может, он просто не ведает, что здесь творится? — не удержалась Сяо И.

— Сама-то веришь в это? — парировала Шан Янь. — Что из себя представляет Жун-ван, в столице не знает разве что глухой. Как отец мог быть не в курсе?

— Тогда... Что же нам теперь делать?

Сяо И тоже заволновалась, хотя тревожилась она вовсе не за того типа, который сейчас развлекался в борделе.

— А что тут поделаешь?

Шан Янь с видом обреченности закрыла глаза и бессильно вздохнула:

— Переодеваемся и выступаем. Пойдем проверим, не окочурился ли он случайно. Если помер — наконец-то обретем свободу.

<http://bllate.org/book/21193/2145619>